

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-68-77

**ИЗМЕНЕНИЕ, СДВИГ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ИССЛЕДОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Ирина Жирун

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»

Аннотация

Цель статьи – обобщение и анализ подходов к исследованию национальной идентичности. В результате проведенного анализа зарубежной литературы выделены методологические подходы, позволяющие проследить изменения национальной идентичности: широкие и узкие. К широким методологическим подходам относятся *аналитические* и *дискурсивные*. К узким – *социологические методы* и исследование *компонентов* национальной идентичности: репрезентация значимого Другого, репрезентации прошлого и конструирование угрозы. Автор приходит к выводу, что изучение трансформации национальной идентичности требует набора взаимодополняющих подходов, так как даже наличие конфликта в обществе не гарантирует изменение национальной идентичности во всех сферах социального пространства и не обеспечивает устойчивость этих изменений в долгосрочной перспективе. Социологические методы исследования фиксируют сдвиги национальной идентичности, однако сложные взаимосвязи элементов идентичности, которые особенно актуальны для населения со смешанными идентичностями, остаются нераскрытыми. Дискурсивные подходы обладают преимуществами при изучении изменений в конструировании смыслов. В сфере международных отношений, где национальная идентичность считается фактором влияния на поведение государства, следует обратить внимание на разработку методологических подходов для исследования понятия гегемонной идентичности. Конструирование угрозы в дискурсе выделяется как одно из интересных направлений, которое наряду с метаанализом литературы по изменению идентичности на постсоветском пространстве было бы своевременным и ценным исследованием в изменившемся региональном контексте.

Ключевые слова: дискурс-анализ; изменение национальной идентичности; методологический подход; образ Другого; парадоксальный подход.

Понятие «идентичности» подразумевает постоянное изменение. Хотя социальные трансформации и конфликты представляют интерес для исследователей национальной идентичности (Barseghyan, 2003; Kulyk, 2016b; Zhuravlev, 2015), изменение идентичности не обязательно вызвано конфликтом. Данная работа обобщает методологические подходы к исследованию динамики национальной идентичности на основе зарубежных публикаций, прямо или косвенно затрагивающих тему её изменения. На основе анализа выделяются широкие и узкие методологические подходы, позволяющие проследить эти изменения. Широкие подходы исследуют национальную идентичность на нескольких уровнях её артикуляции, тогда как узкие принимают во внимание только один аспект. Например, конструирование национальной идентичности в множественных дискурсах (массовом, медиа, элитарном, институциональном) относится к широким подходам. Примером узкого подхода является исследование идентичности масс с помощью социологического опроса. В проанализированной литературе к широким методологическим подходам относятся *аналитические* (парадоксальный подход и мета-анализ литературы) и *дискурсивные* (индуктивный подход, исторический критический дискурс анализ). К узким – *социологические методы* и исследование *компонентов* национальной идентичности: репрезентация значимого Другого, репрезентации прошлого и конструирование угрозы. Включение этих компонентов в анализ расширяет возможности для исследования национальной идентичности в дискурсивных подходах. Принимая во внимание широту исследовательского поля, данная классификация не является исчерпывающей.

Национальная идентичность: проблемы исследования изменений

Идентичности свойственна двойственность, так как она является результатом интерактивных отношений антагонистических сил между желанием быть похожим на что-то, но и быть отличным от чего-то (Esparza, 2010: 413). Исследователи признают изменчивость как одну из характеристик идентичности. Идентичность отличается пластичностью, способностью «сохранения в определенном диапазоне изменений» (Федотова, 2017: 293). Выявление механизмов, элементов и процессов изменения идентичности является актуальным полем исследования, в том числе и для национальной идентичности.

Национальная идентичность является междисциплинарным понятием и обладает основными характеристиками, присущими понятию идентичности, такими как реляционность, коллективность, социальность и многоплановость (Галимова, 2017; Семененко, 2009; Семененко, 2015). Определения национальной идентичности разнообразны. Национальная идентичность рассматривается как «межсубъектные представления национальной самости по отношению к другим» (Allan, 2016: 21). Исследователи подчеркивают важность наличия Другого (Других). Именно через создание границ и отрицание того, чем она не является происходит конструирование идентичности (Abdelal и др.: 698). Национальная идентичность также является дискурсивным конструктом, содержащим общепризнанное знание (Allan, 2016:21). По определению де Селия, Рейзигль и Вудак, «национальные идентичности, сконструированные как специфические формы социальных идентичностей – *дискурсивно*, с помощью языка и других семиотических систем, *продуцируются, репродуцируются, трансформируются и деконструируются*» (De Cellia, Reisigl and Wodak, 1999: 153). Понятие национальной идентичности также связано с этнической (национальной) культурой. Национальная идентичность - это «субъективное восприятие принадлежности к коллективу с разделяемой культурой и историей» (Smith, 1993, cited in Bani Salameh & El-edwan, 2016: 985). Следовательно, многоплановость национальной идентичности отражается на методологическом разнообразии исследований, которые должны изучать как её трансформацию, так и изменение её компонентов.

Изменчивость национальной идентичности описывается терминами, подразумевающими её вариативность: изменение (change), сдвиг (shift), трансформация (transformation). Однако для того, чтобы утверждать, что национальная идентичность трансформировалась, исследование должно охватывать разные сферы артикуляции национальной идентичности – элиты, массы, институты, или же показывать резкий сдвиг национальной идентичности в долгосрочной перспективе.

Исследователи выделяют многочисленные инструменты, механизмы и институты, которые участвуют в конструировании национальной идентичности и, следовательно, влияют на её изменение: религия, образование и военная служба (Paasi, 1999; Philippou&Eleftherios, 2010, Докучаева, 2012), представления о прошлом (Ефемич, 2018) и даже экономические реформы (Сивинцева, 2012). Артикуляция национальной идентичности происходит на разных уровнях социальных дискурсов (элит, масс и институтов). Изменение национальной идентичности в дискурсах и механизмы, которые на это влияют, являются актуальными вопросами, но представляют сложность для установки взаимосвязей. Однако дискурсивные исследования предлагают некоторые решения в этом направлении. Используя критический дискурс-анализ, Айлин-Дюзгит (Aydin-Düzgüt, 2018: 21) установила, что дискурс элит, который по-новому сформулировал исторические репрезентации, привёл к изменению нарратива национальной идентичности в турецких массах.

В силу разнообразия акторов и дискурсов национальной идентичности возникает следующий вопрос: когда можно говорить об «устоявшейся» (доминирующей) национальной идентичности? На сегодняшний момент исследователи не предлагают однозначного ответа. Понятие «гегемонной идентичности» употребляется в рамках исследований, опирающихся на дискурсивную теорию гегемонии Лаклау и Муффа (Leek&Morozov, 2018). Вне этого подхода «установившаяся» национальная идентичность (Tsygankov, 2016: 16–17) используется для объяснения поведения государства во внешней политике. Установившаяся идентичность является результатом победы одной из властвующих элит в дискурсивной борьбе. Однако в этом объяснении нет доказательств того, каким образом можно определить, что идентичность уже установилась, в какой момент, с помощью каких механизмов и на какой срок.

Некоторые исследователи предлагают методологические подходы к исследованию доминантной/гегемонной идентичности. Например, Хопф и Аллан (Hopf, 2016; Allan, 2016) разрабатывают теорию международной гегемонии, в ходе которой они операционализируют понятие доминантной идентичности в национальных дискурсах. Хинц предлагает теорию гегемонии идентичности, анализируя её «содержимое» в дискурсах о внешней политике.

Несмотря на изменчивость идентичности, ее компоненты могут иметь разную скорость изменения. Опираясь на определение Смита и разделяя национальную идентичность на политическую и этнокультурную составляющие, Бани Саламех и др. приходят к выводу, что этнокультурный компонент формируется долго и трудно изменяем. Медленное изменение культурной составляющей подтверждают и исследователи идентичности Тайвани (Zhong, 2016): тайванцы ассоциируют себя с китайской культурой, но не с китайским государством. Бух (Bukh, 2009) также приходит к выводу, что культурная составляющая Японии не изменялась с 1945 г. Можно предположить, что культурные элементы национальной идентичности более устойчивы и долгосрочны, тогда как политические составляющие склонны к изменениям.

Множество акторов предполагают множество дискурсов и репрезентаций национальной идентичности. Разнообразие репрезентаций национальной идентичности по-разному оценивается исследователями. Некоторые рассматривают множественность репрезентаций национальной идентичности как проблему, тогда как в другом контексте, тенденция к их многообразию оценивается положительно. В Иордане раздробленность национальной идентичности приравнивается к кризису: отсутствие возможности зафиксировать национальную идентичность, приемлемую для всех слоев населения, подвергает государство опасности раскола (Bani Salameh&El-edwan, 2016). Двойственность репрезентаций национальной идентичности в молдавских печатных СМИ также рассматривается как признак кризиса идентичности (Danero Iglesias, 2015), так как дискурсивные репрезентации масс и элит очень отличаются. Напротив, множественность репрезентаций идентичности Австралии оценивается как положительная, хотя она и меняется в сторону более сложной, разнообразной и космополитной, увеличивая амплитуду значений того, что значит быть австралийцем (Austin&Fozdar, 2018).

Таким образом, исследователи национальной идентичности должны принимать во внимание национальный контекст, механизмы, влияющие на изменения национальной идентичности, а также последствия этих изменений для общества – становится оно более инклюзивным или более эксклюзивным. Несмотря на то, что национальная идентичность является социальным конструктом, её изменение имеет реальные последствия для общества.

Изменение идентичности: рамки анализа

Рассмотрим вопросы изменения идентичности в подходах, которые мы условно обозначим как аналитические. Первый - это парадоксальный подход, который развивает аналитическую рамку, на основе разработок Абделала и др. (Abdelal, 2006). Он основан на парадоксах идентичности (Rumelili & Todd, 2018) и предлагает программу исследований изменения идентичности в конфликтах (Todd, 2018). Вместо парадигмальных подходов авторы анализируют идентичность, используя парадоксы, исходящие из её определения: *схожесть/различие* (identity/difference), *непрерывность/изменение* (continuity/change), *консенсус/оспаривание* (consensus/contestation) и делают упор на исследованиях механизмов изменений на нескольких уровнях социальных дискурсов – массовом, элитарном, институциональном (Rumelili & Todd, 2018; Todd, 2017). Такой анализ позволяет исследовать как трансформации, так и плавные изменения национальной идентичности, сравнивая динамику нескольких уровней.

Второй подход построен на метаанализе литературы эмпирических исследований одной страны. Как показали Хагстром и Густафсон (Hagström and Gustafsson, 2015) и Бух (Bukh, 2009) на примере идентичности Японии, накопленные данные по одной стране ценны для теоретических выводов. Также и предыдущие исследования являются основой для сравнения с эмпирическим материалом новых работ (Siddi, 2018). Метаанализ может быть применен для выявления страновых и региональных тенденций на постсоветском пространстве. Например, для определения особенностей динамики национальной идентичности, а также выявления определяющих ее механизмов.

Социологические подходы: компоненты национальной идентичности

В социологических подходах комплексное понятие национальной идентичности исследователи разделяют на измеримые аналитические единицы: языковую, религиозную, этническую и другие категории. Эти аспекты выявляются с помощью опросов, которые широко используются для исследования «сдвигов» национальной идентичности. Представления об идентичности масс могут меняться, усиливая национальную принадлежность по отношению к локальной (Steinhardt и др., 2018), гражданскую по отношению к этнической (Zhong, 2016), а также менять границы языковых идентично-

стей (Arel, 2018; Onuch & Hale, 2018). Категории, фиксирующие отдельные аспекты идентичности, являются полезным инструментом для измерения национальной принадлежности при сравнении поколений, подверженных различным процессам и механизмам социализации (Thelen & Honeycutt, 2004; Steinhardt и др. 2018).

Однако кросстемпоральный анализ изменений требует проведения периодических опросов по аналогичной методике на протяжении длительного времени. Лонгитюдные исследования такого рода возможны в рамках больших исследовательских проектов. Проблема, однако, заключается в том, что в таких исследованиях выявляется так называемая «ситуационная идентичность», поскольку есть вероятность, что респонденты акцентируют ту или иную свою идентичность в зависимости от контекста (Pirie, 1996:1085). Таким образом, в контексте социального или военного противостояния измерение национальной идентичности устойчивыми категориями является проблематичным. Для преодоления этих ограничений возможно использовать дополнительные подходы, например, дискурсивные. Примером может послужить работа Кулык (Kulyk, 2016b) по трансформации национальной идентичности Украины после Евромайдана, в котором количественные данные дополняются анализом дискурса фокус-групп.

На наш взгляд, измерение национальной идентичности категориями ограничивает понимание её динамики, так как связи между категориями могут быть более сложными, чем это предполагается изначально сформулированными единицами измерения. В результате, исследования, использующие категории, приходят к противоположным результатам. Например, Кулык утверждает, что роль украинского языка возросла, так как она является «основанием независимости Украины» (Kulyk, 2016a: 96). Бурейко и др. (Bureiko, 2019: 152), наоборот, приходят к выводу, что роль родного языка в Украине в последние годы упала – язык не является важным маркером украинской идентичности и не определяет принадлежность к государству.

В Советском Союзе для исследования идентичности использовалось понятие «национальность» (Brubaker & Cooper, 2000, с.27), подразумевавшее этническую, а не гражданскую составляющую этого концепта. Официальная категоризация может не совпадать со смыслами, которые приписывают ей индивидуумы, а также не подразумевает наличия смешанных, гибридных идентичностей, значимых для постсоветского пространства (Hansen & Hesli, 2009). Впрочем, хотя исследователям трудно контролировать интерпретацию категорий респондентами, социологические опросы являются важным методом исследования изменений национальной идентичности на уровне масс.

Дискурсивные подходы

Более широкие возможности для анализа предоставляют дискурсивные подходы. К их числу относится разработанный Хопфом и Алланом (Hopf, 2016; Allan, 2016) метод, который авторы называют индуктивным дискурс-анализом. Второй – дискурсивно-исторический подход, предложенный Рут Вудак и Венской школой, который все чаще применяется в политических науках. Первый подход выделяет доминирующие дискурсы, кодируя категории национальной идентичности с помощью контент-анализа. Второй использует дискурсивные стратегии и более подробный лингвистический разбор (Wodak et al., 2009).

Интересно, что исследователи нелингвисты упрощают предложенный Вудак инструментарий. Дискурсивно-исторический подход предполагает ряд аналитических этапов: контент-анализ, определение дискурсивных стратегий, а также, анализ лингвистических средств, использованных в разных дискурсивных контекстах. Исследователи отдают предпочтение анализу дискурсивных стратегий, так как они позволяют выявить связь между изменением национальной идентичности элит и масс (Aydin-Düzgit, 2018) и сфокусироваться на диахроническом реконструировании дискурсивных изменений (Siddi, 2018), оставляя в стороне лингвистический анализ.

Индуктивный дискурс анализ Хопфа (Hopf, 2016b) предлагает методологию выявления доминирующей репрезентации национальной идентичности в дискурсе. Подход Хопфа относится к «широким» подходам, охватывая дискурсивное пространство разных уровней артикуляции национальной идентичности – элит, масс, массмедиа, институтов. Это аргументируется тем, что уже сам факт конструирования национальной идентичности не только элитами, требует исследования динамики национальной идентичности в остальных сферах общества, если нас интересует стабильность национальной идентичности и её сдвиг при изменении политического режима (Hopf, 2016b: 15). Работы Хопфа (Hopf, 2002; 2005; 2016a) объясняют, как национальная идентичность влияет на поведение государства на международной арене. На примере России, Хопф выделил три конкурирующих дискур-

са – либеральный, консервативный и центристский (Hopf, 2005). Данное исследование послужило отправной точкой для сравнения с новыми дискурсами, появившимися в контексте присоединения Крыма (Hopf, 2016a), что демонстрирует возможности такого подхода при исследовании долгосрочных изменений.

Хопф и Аллан (Hopf, 2016; Allan, 2016b) поставили задачу разработать базу данных доминирующих дискурсов национальных идентичностей стран, используя качественный анализ, что позволяет увидеть многоуровневые изменения. Информация кодируется по каждой стране ежегодно, что помогает исследователям улавливать изменения массовых и официальных дискурсов и определять доминирующие репрезентации. Пока обработаны данные по следующим странам: Соединенное Королевство, США, Китай, Россия, Германия, Франция, Бразилия и Индия. Хопф (Hopf, 2016b: 16) отмечает, что ни в одной из проанализированных стран не было выявлено этнической, религиозной или лингвистической идентичности, которая являлась бы существенной для ее национальной идентичности.

Тем не менее, количественные исследования преобладают над дискурсивными на постсоветском пространстве (Fabrykant, 2018; Arel, 2018; Kulyk, 2016b; Onuch & Hale, 2018). Ларсен (Larsen, 2017) также констатирует сдвиг национальных идентичностей в Восточной Европе в сторону этнических компонентов, тогда как в Западной Европе преобладают гражданские. Такие исследования используют количественные подходы и измерения категориями на уровне масс. Дискурсивные исследования были бы своевременным дополнением к изучению динамики национальных идентичностей в постсоветских странах, как и сравнительные исследования изменений на разных уровнях артикуляции национальной идентичности.

В свою очередь, дискурсивные исследования подвергаются критике: возможна субъективность при анализе и интерпретации. Кроме того, их результаты сложно воспроизвести. Эти недостатки можно смягчить с помощью подробного и прозрачного описания методологии, а также саморефлексии исследователя. Качественные исследования можно дополнить количественными методами – например, анализом корпуса (Mautner, 2016), который уже применяется в исследованиях изменений коллективной идентичности (Sánchez-Moya, 2017).

Компоненты национальной идентичности: качественный анализ

Изменения идентичности можно выявить и через изменения ее отдельных компонентов – образа Другого, исторических репрезентаций (репрезентаций прошлого), а также конструирования угроз в дискурсе, и т.д. Изменение дискурсов может свидетельствовать об изменении их предмета.

Релятивность идентичности предопределяет важность Другого в процессе ее изменения. Другой может усилить или подорвать ранее установленное восприятие национальной идентичности (Tsygankov, 2016: 15) и даже привести к кризису (Esparza, 2010). Кардинальное изменение отношений с Другим или его исчезновение (Prizel, 1998: 33), как это случилось при распаде Советского Союза, трансформирует национальную идентичность, резко изменяя роли и отношения всех слоев национального сообщества. Так, с приобретением независимости Армения пересмотрела фреймирование России как «спасителя» в своем национальном дискурсе (Kakachia & 8 Markarov, 2016). Кулык (Kulyk, 2016b: 607) указывает на изменение значения принадлежности к украинской нации, выразившееся в дистанцировании от России и принятии картины мира украинского национализма и его исторического нарратива.

Выбор Другого, чаще всего, обосновывается историческими связями между странами. Отношения с Другим на протяжении длительного исторического периода «впитывается» в официальный дискурс памяти, утверждает Сидди (Siddi, 2018: 38). Соответственно, Россия выступает в образе Другого для Германии, Японии и Украины, а Европа – для Турции. Но как заметила Малинова, интенсивность отношений Другого с «я» делает Другого важным, а значимость сконструированных смыслов (Малинова, 2016a:161).

Следовательно, изменение репрезентации Другого говорит о динамике национальной идентичности по отношению к Другому. Сравнительный анализ возможен с помощью анализа «уровней инаковости» Другого на разных уровнях: элит и масс (Esparza, 2010). Образ Другого кодируется как «позитивный» или «негативный» по критериям важности в развитии демократии и экономики, усилении национальной идентичности и обеспечении безопасности. Количественный (Esparza, 2010) и качественный контент-анализы репрезентации Других (Малинова, 2016b) в дискурсе может выявить изменение «самости» по отношению к этим Другим.

Изменение репрезентаций прошлого также указывает на динамику идентичности, включая репрезентации исторических Других. На постсоветском пространстве СССР, Третий Рейх и комму-

нистический режим стали менее важными, но сохранили отношение к Европе, как к Другому (Esparza, 2010). Интерес могут представлять исследования изменения (или сохранения) смыслов понимания Другого и национальной идентичности в отношениях с ним в постсоветских странах.

Следует отметить значение контекста исследования на репрезентации, так как он влияет на образ Другого в дискурсе. Например, «НАТО» не было наиболее значимым Другим для Чехии, однако стало более употребительным в дискурсах, чем «Европа» из-за контекста материалов исследования: повышенному вниманию к безопасности в мире после 11 сентября 2001 г., его роли в безопасности Чехии и проведения саммита в Праге (Esparza, 2010).

Исследование изменений идентичности не всегда возможно по заранее предопределенной характеристике или категории, но оно может быть выявлено с помощью дискурс-анализа. Например, соединяющей связкой между изменяющимися национальными самоидентификациями было представление о демократии (Esparza, 2010), что трудно было бы предугадать заранее в начале исследования. Это еще раз подчеркивает важность индуктивных подходов к исследованию национальной идентичности.

Конструирование идентичности тесно связано с обозначением границ. «Учитывая, что отличие является необходимым условием для идентичности, опасность является неотъемлемой частью этих отношений» (Campbell, 1998: 81). Конструирование угрозы в дискурсе, наряду с употреблением прошлого, служит легитимацией политической повестки дня политиками и другими игроками международного сообщества (Obradović & Howarth, 2018). Когда национальная идентичность не обозначена в дискурсе эксплицитно, например, слово «нация», как таковое, может не употребляться, конструирование угрозы служит показателем попытки создания национальной сплоченности, обозначения границ и значимых Других, как «врагов», так и «друзей».

Конструирование угрозы в дискурсе является наименее разработанным подходом, представляя интерес в будущих дискурсивных исследованиях, особенно, в контексте социальных и/или военных противостояний. Оно имеет отношение к теме конструирования безопасности (Wæver, 1996) и процессу секьюритизации (Rumelili, 2015), которые заслуживают отдельного анализа.

Контекст изменения идентичности

Изменение идентичности может быть обусловлено историческими событиями и/или конфликтами, трансформирующими общество. Например, Евромайдан и присоединение Крыма к России спровоцировало отдаление Украины от России и её репрезентацию последней в качестве враждебного Другого (Kulyk, 2016b).

Один и тот же конфликт может по-разному интерпретироваться национальными сообществами, поэтому он не всегда влечет за собой многоуровневую и долгосрочную трансформацию национальной идентичности. Согласно исследованию Сидди, конфликт России с Грузией 2008 г. и события украинского кризиса 2014 г. не трансформировали образ России во внешней политике Германии в более негативный. При долгосрочной исторической значимости Другого возможно сохранение позитивных форм «инаковости», особенно, если они встроены в национальную идентичность (Siddi, 2018: 36).

Кроме того, событие должно быть значимым для населения. При исследовании каким образом Европейский союз повлиял на изменения национальной идентичности в Болгарии и Македонии, 10% исследуемых были исключены из анализа, так как это событие не воспринималось как значимое (Mitropolitiski, 2014). Следовательно, едва ли оно повлекло за собой изменение идентичности.

Значимое событие необязательно имеет катастрофические последствия для общества. К примеру, в некоторых случаях контекст конкурса песни «Евровидение» может повлиять на изменение репрезентаций национальной идентичности. В Эстонии, Украине и Молдове «Евровидение» служит маркером принадлежности к Европе, следовательно, в этих странах оно влияет на изменение саморепрезентаций. В Молдове дискурсивное конструирование негативной «самости» (self) в контексте «Евровидения», противоречащей позитивной саморепрезентации в официальном дискурсе, интерпретируется как показатель кризиса идентичности (Danero Iglesias, 2015). Чтобы убедиться, что событие, кажущееся значимым внешнему наблюдателю, действительно является таковым, Обрадович и Говард рекомендуют прибегать к консультациям со специалистами, анализу опросов, изучению контента социальных сетей (Obradović&Howarth, 2018).

Многомерность понятия национальной идентичности требует многообразия подходов для изучения её динамики. Условно мы их определили как широкие и узкие, в зависимости от того, какие сферы артикуляции национальной идентичности принимаются во внимание. В исследованиях трансформации национальной идентичности необходимо использовать набор взаимодополняющих подходов, так как даже наличие конфликта не гарантирует её изменение во всех сферах социального пространства и не обеспечивает устойчивость изменений в долгосрочной перспективе.

Измерение национальной идентичности по категориям в количественных подходах фиксирует сдвиги в национальной идентичности, однако затрудняет возможность сравнительного анализа и обобщения, а также не раскрывает сложные взаимосвязи элементов идентичности, особенно для населения со смешанными идентичностями в постсоветских странах. Дискурсивные подходы обладают преимуществами в изучении изменения конструирования смыслов.

В международных отношениях, где национальная идентичность считается фактором влияния на поведение государства, следует обратить внимание на понятие гегемонной идентичности, операционализацию этого понятия и разработку методологических подходов для исследования. Конструирование угрозы в дискурсе выделяется как одно из интересных направлений, которое наряду с метаанализом литературы по изменению идентичности на постсоветском пространстве было бы своевременным и ценным в изменившемся региональном контексте.

Благодарности:

Автор выражает благодарность и глубокую признательность проф. Малиновой О.Ю., а также Молодыхенко Е.Н., Комшуковой Ольге, Земцову Артему, Митрохиной Евгении и Мирзаджанову Тамерлану за ценные комментарии.

Библиографический список

- Галимова, И. М. (2011) 'Концепт национально-государственной идентичности в академическом дискурсе', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3(15), сс. 29–40. [Galimova, I. M. (2011) 'The concept of national-state identity in academic discourse' [Kontsept natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti v akademicheskom diskurse], *Review of Political Science*, 3(15), pp. 29–40. (In Russ.)].
- Докучаева, Н. А. (2012) 'Особенности конструирования политической идентичности в независимой Черногории', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, сс. 27–35. [Dokuchaeva, N. A. (2012) 'Special features of political identity construction in independent Montenegro' [Osobennosti konstruirovaniya politicheskoi identichnosti v nezavisimoi Chernogorii], *Review of Political Science*, 2(18), pp. 27–35. (In Russ.)].
- Ефимищ, Н. М. (2018) 'Прошлое в конструировании национальной идентичности: гранд-нарративы Украины', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, сс. 77–90. doi: 10.17072/2218-1067-2018-2-77-90. [Efimishch, N. M. (2018) 'The past in constructing national identity: grand narratives of Ukraine' [Proshloe v konstruirovanii natsional'noi identichnosti: grand-narrativy Ukrainy], *Review of Political Science*, 2, pp. 77–90. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2015) 'Концепт «другого» в исследованиях идентичности: Анализ современных дискуссий', *Политическая наука*, 4, сс. 154–169. doi: 10.13650/j.cnki.rgxs.2016.02.013. [Malinova, O. Yu. (2015) 'The concept of 'other' in the studies of an identity: The analysis of contemporary discussions' [Kontsept "drugogo" v issledovaniyakh identichnosti: Analiz sovremennykh diskussii], *Political Science (RU)*, 4, pp. 154–169. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2016b) 'Риторика политического лидера как индикатор значимости Другого. США и КНР в выступлениях президентов РФ (2000–2015 гг.)', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 21–37. doi: 10.17976/jpps/2016.02.03. [Malinova, O. Yu. (2016) 'Rhetoric of political leaders as an indicator of significance of the Other: Comparative analysis of references to the USA and PRC in the context of legitimization of political course of the Russian presidents (2000–2015)' [Ritorika politicheskogo lidera kak indikator znachimosti Drugogo. SShA i KNR v vystupleniyakh prezidentov RF (2000–2015)], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 21–37. (In Russ.)].

- Семененко, И. С. (2009) 'Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 8–23. [Semenenko, I. S. (2009) 'Dilemmas of national identity: political risks and social inputs' [Dilemmy natsional'noi identichnosti: politicheskie riski i sotsial'nye priobreteniya], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 8–23. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (2015) 'Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса', *Мировая Экономика и международные отношения*, 11, сс. 91–102. [Semenenko, I. S. (2015) 'Nations, nationalism, national identity: new dimensions in academic discourse' [Natsiya, natsionalizm, natsional'naya identichnost': novye rakursy nauchnogo diskursa], *World Economy and International Relations*, 11, pp. 91–102. (In Russ.)].
- Сивинцева, О. В. (2012) 'Трансформация китайской идентичности в условиях импортирования рыночных механизмов', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, сс. 17–26. [Sivintseva, O. V. (2012) 'Chinese identity transformation in the context of the import of market mechanisms' [Transformatsiya kitaiskoi identichnosti v usloviakh importirovaniya rynochnykh mekhanizmov], *Review of Political Science*, 2, pp. 17–26. (In Russ.)].
- Федотова, Н. Н. (2017) 'Динамика идентичности', in *Идентичность: личность, общество, политика*. Москва: Весь Мир, сс. 287–294. [Fedotova, N. N. (2017) 'Identity Dynamics' [Dinamika identichnosti] in: Semenenko I. et al. (eds.) *Identity: the individual, society, and politics. An encyclopedia* [Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie]. Moscow: Ves' Mir Publ., pp. 287–294. (In Russ.)].
- Abdelal, R., Herrera, Y., Johnston, A. I., McDermott, R. (2006) 'Identity as a Variable', *Perspectives on Politics*, 4(4), pp. 695–711, DOI: 10.1075/ld.5.1.01wei.
- Allan, B. B. (2016) 'Recovering Discourses of National Identity' in: Hopf, T. and Allan, B. B. (eds.) *Making Identity Count: Building a National Identity Database*. Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/acprof.
- Arel, D. (2018) 'How Ukraine has become more Ukrainian', *Post-Soviet Affairs*, 34(2–3), pp. 186–189, DOI: 10.1080/1060586X.2018.1445460.
- Austin, C. and Fozdar, F. (2018) 'Australian national identity: empirical research since 1998', *National Identities*, 20(3), pp. 277–298, DOI: 10.1080/14608944.2016.1244520.
- Aydın-Düzgit, S. (2018) 'Foreign policy and identity change: Analysing perceptions of Europe among the Turkish public', *Politics*, 38(1), pp. 19–34, DOI: 10.1177/0263395717729932.
- Bani Salameh, M. T. and El-edwan, K. I. (2016) 'The identity crisis in Jordan: historical pathways and contemporary debates', *Nationalities Papers*, 44(6), pp. 985–1002, DOI: 10.1080/00905992.2016.1231454.
- Barseghyan, K. (2003) 'Rethinking nationhood: post-independence discourse on national identity in Armenia', *Polish Sociological Review*, 144, pp. 399–416.
- Brubaker, R. and Cooper, F. (2000) 'Beyond "identity"', *Theory and Society*, 29(1), pp. 1–47, DOI: 10.1023/A:1007068714468.
- Bukh, A. (2009) 'Identity, Foreign Policy and the Other': Japan's Russia'', *European Journal of International Relations*, 15(2), pp. 319–345. Available at: <http://ejt.sagepub.com/content/15/2/319.short>.
- Bureiko, N. and Moga, T. L. (2019) 'The Ukrainian – Russian Linguistic Dyad and its Impact on National Identity in Ukraine', *Europe-Asia Studies*. Routledge, 71(1), pp. 137–155, DOI: 10.1080/09668136.2018.1549653.
- Campbell, D. (1998) *Writing Security. United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. 2nd edn. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Danero Iglesias, J. (2015) 'Eurovision song contest and identity crisis in Moldova', *Nationalities Papers*, 43(2), pp. 233–247, DOI: 10.1080/00905992.2014.993957.
- De Cellia, R., Reisingl, M. and Wodak, R. (1999) 'The discursive construction of national identities', *Discourse and Society*, 10(2), pp. 149–173.
- Esparza, D. (2010) 'National identity and the Other: imagining the EU from the Czech Lands', *Nationalities Papers*, 38(3), pp. 413–436, DOI: 10.1080/00905991003641947.
- Fabrykant, M. (2018) 'National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis', *Journal of Baltic Studies*, 49(3), pp. 305–331, DOI: 10.1080/01629778.2018.1442360.
- Hagström, L. and Gustafsson, K. (2015) 'Japan and identity change: why it matters in International Relations', *Pacific Review*, 28(1),

- pp. 1–22, DOI: 10.1080/09512748.2014.969298.
- Hansen, H. E. and Hesli, V. L. (2009) ‘National identity: Civic, ethnic, hybrid, and atomised individuals’, *Europe - Asia Studies*, 61(1), pp. 1–28, DOI: 10.1080/09668130802532894.
- Hopf, T. (2002) *Social Construction of International Politics: Identities & foreign policies, Moscow, 1955 and 1999*. Cornell University Press.
- Hopf, T. (2005) ‘Identity, legitimacy, and the use of military force: Russia’s Great Power identities and military intervention in Abkhazia’, *Review of International Studies*, 31, pp. 225–243, DOI: 10.1017/S026021050500687X.
- Hopf, T. (2016a) ‘“Crimea is ours”: A discursive history’, *International Relations*, 30(2), pp. 227–255, DOI: 10.1177/0047117816645646.
- Hopf, T. (2016b) ‘Making Identity Count: Constructivism, Identity and IR theory’ in: Hopf, T., Allan, B. (eds.) *Making Identity Count: Building a National Identity Database*. Oxford University Press, pp. 3–19.
- Kakachia, K. and Markarov, A. (eds.) (2016) *Values and Identity as Sources of Foreign Policy in Armenia and Georgia*. Tbilisi: Publishing House ‘Universal’.
- Kulyk, V. (2016a) ‘Language and identity in Ukraine after Euromaidan’, *Thesis Eleven*, 136(1), pp. 90–106, DOI: 10.1177/0725513616668621.
- Kulyk, V. (2016b) ‘National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War’, *Europe-Asia Studies*, 68(4), pp. 588–608, DOI:10.1080/09668136.2016.1174980.
- Larsen, C. A. (2017) ‘Revitalizing the “civic” and “ethnic” distinction. Perceptions of nationhood across two dimensions, 44 countries and two decades’, *Nations and Nationalism*, 23(4), pp. 970–993, DOI: 10.1111/nana.12345.
- Leek, M. and Morozov, V. (2018) ‘Identity beyond othering: crisis and the politics of decision in the EU’s involvement in Libya’, *International Theory*, 10(01), pp. 122–152, DOI: 10.1017/S1752971917000148.
- Mautner, G. (2016) ‘Checks and Balances: How Corpus Linguistics Can Contribute to CDA’ in: *Methods of critical discourse studies*. Sage Publications, pp. 154–179.
- Mitropolitski, S. (2014) ‘EU Integration: An Enforcement of or an Impediment to National Identity in Bulgaria and Macedonia’, *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, pp. 309–326, DOI: 10.1353/reg.2014.0015.
- Obradović, S. and Howarth, C. (2018) ‘The power of politics: How political leaders in Serbia discursively manage identity continuity and political change to shape the future of the nation’, *European Journal of Social Psychology*, 48(1), pp. O25–O35.
- Onuch, O. and Hale, H. E. (2018) ‘Capturing ethnicity: the case of Ukraine’, *Post-Soviet Affairs*, 34(2–3), pp. 84–106, DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452247.
- Philippou, S. and Eleftherios, K. (2010) ‘On Continuity and Change in National Identity Construction: An Initial Note on Greek-Cypriot Education, 1960 - 2010’, *The Cyprus Review*, 22(2), pp. 219–233.
- Pirie, P. S. (1996) ‘National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine’, *Europe-Asia Studies*, 48(7), pp. 1079–1104.
- Prizel, I. (1998) *National identity and foreign policy: nationalism and leadership in Poland, Russia and Ukraine*, Vol. 103. Cambridge University Press.
- Rumelili, B. (2015) ‘Identity and desecuritisation: the pitfalls of conflating ontological and physical security’, *Journal of international relations and development*, 18(1), pp. 52–74, DOI: 10.1057/jird.2013.22.
- Rumelili, B., Todd, J. (2018) ‘Paradoxes of identity change: Integrating macro, meso, and micro research on identity in conflict processes’, *Politics*, 38(1), pp. 3–18, DOI: 10.1177/0263395717734445.
- Sánchez-Moya, A. (2017) ‘Corpus-driven insights into the discourse of women survivors of Intimate Partner Violence’, *Quaderns de Filologia-Estudis Lingüístics*, 22(22), pp. 215–243.
- Siddi, M. (2018) ‘An evolving Other: German national identity and constructions of Russia’, *Politics*, 38(1), pp. 35–50, DOI: 10.1177/0263395717715819.
- Smith, A. (1993) *National Identity*. London: Penguin Books.
- Steinhardt, H. C., Li, L. C. and Jiang, Y. (2018) ‘The identity shift in Hong Kong since 1997: Measurement and explanation’, *Journal of Contemporary China*, 27(110), pp. 261–276, DOI: 10.1080/10670564.2018.1389030.
- Thelen, S. T. and Honeycutt, E. D. (2004) ‘Assessing National Identity in Russia Between

- Generations Using the National Identity Scale', *Journal of International Marketing*, 12(2), pp. 58–81, DOI: 10.1509/jimk.12.2.58.32900.
- Todd, J. (2017) 'The politics of identity change and conflict: An agenda for research', *Politics*, p. 026339571771585, DOI: 10.1177/0263395717715857.
- Todd, J. (2018) 'Understanding Identity Change: Conditions, Context, Concepts' in: *Identity Change after Conflict*. Palgrave Macmillan: Cham, pp. 17–42.
- Tsygankov, A. P. (2016) *Russia's foreign policy: change and continuity in national identity*. Rowman & Littlefield.
- Wæver, O. (1996) 'European security identities', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 34(1), pp. 103–132.
- Wodak, R. et al. (2009) *The Discursive construction of national identity*. 2nd edn. Edinburgh University Press.
- Zhuravlev, O. M. (2015) 'From Presence to belonging: Eventful identity of Euromaidan', *Psychology-Journal of the Higher School of Economics*, 12(3), pp. 69–85.
- Zhong, Y. (2016) 'Explaining National Identity Shift in Taiwan Explaining National Identity Shift in Taiwan', *Journal of Contemporary China*, 25(99), pp. 336–352, DOI: 10.1080/10670564.2015.1104866.

Информация об авторе

Жирун Ирина Васильевна – аспирант Школы политических наук, факультет социальных наук, приглашенный преподаватель Департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики». E-mail: izhirun@hse.ru (ORCID: 0000-0002-6527-4665. ResearcherID: G-1700-2018).

Статья принята к печати: 15.06.2019

CHANGE, SHIFT OR TRANSFORMATION: ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE NATIONAL IDENTITY RESEARCH

I. V. Zhyrun

National Research University – Higher School of Economics

Abstract

The paper aims to analyze and synthesize methodological approaches in research on the national identity change. These approaches are classified as broad and narrow ones. The former include *analytical* and *discursive* approaches. The latter comprise *sociological methods* and the study of the *components* of national identity: representation of the significant Other, representation of the past, and construction of threat. The author concludes that the study of national identity in the aspect of its transformation requires a set of complementary approaches, as even when society experiences a conflict, it does not necessarily entail drastic and long-term changes in national identity that would affect all the realms of society. Sociological methods of identity research capture shifts in national identity. Yet, they fail to reveal the array of complex relations between the elements of identity that are particularly relevant for population with mixed identities. Discursive approaches are more appropriate when analyzing changes in meaning construction. In international relations, where national identity is considered a factor affecting the state behavior, there is a need to develop methodological approaches for studying the hegemonic identity. Discursive construction of threat and meta-analysis of literature on national identity change in the post-Soviet space appear to be potentially interesting for future research. These would be valuable and timely studies in the changing regional context.

Keywords: discourse analysis; methodological approaches; national identity change; Other; paradox approach.